

Ох, какая же это была пара! Она - богиня киноэкрана, кумир, о котором в 50-е годы говорили с придыханием почти все женщины и мужчины страны. И он - покоривший своим обаянием миллионы девичьих сердец. Но самое удивительное, что немногим, сходящим с ума по Алле Ларионовой или Николаю Рыбникову, было известно, что они - муж и жена.

Алла ЛАРИОНОВА:

«Не умею жить без дела...»

— Так это же понятно, — говорит сегодня Алла Дмитриевна. — В то время личные отношения не афишировались и только по слухам можно было узнать, кто за кем замужем.

— Кстати, о слухах! После того, как вы снялись в картине «Анна на шее», вокруг вас и вашего имени родилось столько легенд!

— Больше сплетен...

— А ванны шампанского, которые «сотворяли» для вас ваши поклонники?

— Абсолютная ерунда!

— Ну а море любовников?

— Честно говоря, я давно устала опровергать все те небывлицы, которые сочиняли вокруг моего имени. Знаете, вот вспомнилось, как в пятидесятые годы поехала я в первый раз на творческие вечера в Грузию с группой артистов. Представляете, как только я появлялась на сцене, весь зал вставал и кричал «ура!» Каждый день мне приносили в номер огромную корзину (метра три высотой) небывалой красоты из самых разных вин, шампанского и фруктов — ну просто произведение искусства! А все наши артисты тем временем ходили полуголодными из-за того, что нам вовремя не заплатили суточных. И они просили меня каждый вечер обязательно спуститься в ресторан: тут же там накрывались столы с угощениями, и только так мои коллеги спасались от голода...

— Ваш творческий взлет пришелся на пятьдесят четвертый год — только-только пришел к власти Хрущев и начались приемы в Кремле, встречи с творческой интеллигенцией за закрытыми дверями... Наверное, сильные мира сего тоже домогались вашего внимания?

— Знаете, когда «Анна на шее» вышла на экраны, мне прямым текстом говорили, что я — счастливая, потому что Берия расстреляли в 53-м. Иначе бы он прихватил меня в свой гарем. Прямо так в открытую и говорили. Потом были сплетни про мой якобы роман с Александровым, тогдашним министром культуры. Ну, все это ерунда: его ведь назначили, когда «Анна на шее» уже вышла на экраны. Мы с ним совершенно случайно на Ленфильме встретились, когда у меня была кинопроба на «Двенадцатую ночь». Он шел мимо, знакомясь со студией. Увидел меня, застыл, как вкопанный, и простоял так все время, пока я пробовалась. Потом уже пошли сплетни...

— А какие у вас были отношения со следующим министром культуры — Фурцевой?

— С Екатериной Алексеевной? У меня остались о ней только добрые воспоминания. Она очень любила и меня, и Колю. Помню, как-то были мы в Ашхабаде. Тогда проводились такие декады культуры с участием представителей разных видов искусства и членов правительства. Ну и всех участников культурной программы разместили в гостиницах, а нас с Колей Фурцева распоряди-

лась поселить там же, где и сама остановилась — в правительственном коттедже. Я все время удивлялась тому, какой она была тогда милой, веселой и заводной. После всех выступлений в городе наши застольные беседы с ней затягивались аж до пяти утра. А на следующий день с двенадцати уже были новые встречи и выступления. Я, признаться, еле выдерживала, а ей — хоть бы что. А ведь она постарше была.

— Знаю, что вы были одной из немногих «выездных» советских актрис и часто представляли страну на крупнейших международных кинофестивалях.

— Да, с первым же своим фильмом «Садко» я побывала в Венеции и получила там первую премию. Не лично, а весь фильм. И вот тогда-то многие зарубежные продюсеры и режиссеры стали приглашать меня сниматься в их картинах.

— И вы снимались?

— Боже сохрани! Тогда не только говорить, но и думать об этом было запрещено: подобное считалось предательством.

— Вас, наверное, в ту поездку приодели?

— Да уж. Провожали нас на высшем уровне, сам Микоян. А хватилось начальство наше кинематографическое, что же мы там носить будем — ужас! И нам, трем актрисам, срочно, за три дня сшили из одинакового белого материала три платья. К счастью, разных фасонов. Правда, по возвращении мы их сдали... Знаете, что было моим первым потрясением в Италии? Я увидела горничную, выходящую из номера в потрясающих чулках. И расплакалась, потому что у меня ничего такого в жизни никогда не было!

— Алла Дмитриевна, а как вы попали в кино?

— Это все-таки судьба, что я стала киноактрисой. Ну представьте себе:

мама моя работала в детском саду и я, естественно, все время была с ней. Однажды летом, когда мы были на детской загородной даче, приехали какие-то дяденьки и тетеньки снимать кино. И выбрали троих детей: двух мальчиков и меня — а я такая смешная была, задорная и в конопущиках... Отсняли и уехали. И все забылось. А потом, уже школьницей, иду я по улице, подошла ко мне незнакомая женщина и говорит: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» Кто ж откажется! Хочу, говорю. И она отвела меня на Мосфильм и занесла в картотеку для массовок. И я стала сниматься в массовках, а они в основном по ночам, естественно, и успеваемость моя в школе стала падать, да так, что вспомнить страшно. Но действие на площадке уже захватило меня, и я твердо решила, что буду учиться на актрису. Но где? Понятия не имела. Сначала узнала, что есть такой ГИТИС — пошла туда на экзамены. Принимал Гончаров. А он такой красивый был. И я от волнения забыла текст, который должна была читать. А он так, не без ехидства, меня спрашивает: «Девочка, сколько ж тебе лет?» Семнадцать, говорю. А он: «Так в семнадцать надо память лучше иметь...» Ну, думаю, все, провалилась. А меня приняли. Но потом я узнала про ВГИК и поступила туда.

— А с Николаем Рыбниковым вы когда познакомились?

— Мы с Колей учились на одном курсе во ВГИКе, в мастерской у Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамары Федоровны Макаровой. Коля мне очень нравился, но я это скрывала, потому что он был влюблен в другую девушку. Я, конечно, переживала, но потом все это отошло на второй план — меня пригласили в картину «Садко». Когда же учеба закончилась и разъехались все выпускники в разные стороны, Коля вдруг «проснулся» и примчался ко мне в экспедицию. И в течение шести лет, где бы я ни была, в какой бы деревне ни снималась, он везде следовал за мною тенью, либо присылал телеграммы: «Люблю, помню, целую...» Закончилось это все тем, что он приехал ко мне в Минск, где снималась «Полесская легенда», в канун Нового года. И в первый же рабочий день после праздника пошел в ЗАГС. Вот так наш союз и был

зарегистрирован, а он потом сразу же улетел на съемки фильма «Высота».

— И вот так всю жизнь: в разные стороны?

— Думаю, что это и спасло нашу семью, потому что каждая следующая встреча для нас была как в первый раз. Мы, кстати, и снимались вместе всего в трех-четыре картины. Правда, при первой же возможности мчались друг к другу на съемки и к нашим дочерям, их, слава Богу, помогала мне растить бабушка — моя мама. Честно говоря, поражаюсь, как это в течение многих лет совместной жизни люди могут быть все время бок о бок: и просыпаются, и завтракают вместе, и отправляются в отпуск вместе. Вот тут и сковородкой можно по голове огреть...

— Сколько у вас детей?

— Двое: Арина и Алена. То, что я решилась иметь двоих детей, в актерской среде считалось едва ли не подвигом. Правда, если б не моя мама, не знаю, как бы мы справились... Но я очень рада тому, что они у меня есть. Многие актрисы ведь так и не собрались родить — боялись, что это помешает карьере, испортит фигуру. Честно говоря, я счастлива, что дочки по нашим стопам не пошли — столько сейчас проблем и переломанных судеб у актеров. Одна работает на телевидении, другая закончила полиграфический техникум.

— А внуков они вам еще не подарили?

— Пока нет, но я давно об этом мечтаю, ведь одна из дочек уже замужем, и у меня замечательный зять.

— Вы, наверное, влюбчивы были?

— Да уж, увлекалась часто. Сама себе придумывала своего героя, а потом, правда, горько разочаровывалась.

— Интересно, а каким Николай Рыбников был дома?

— Он очень любил праздники. Мы обязательно отмечали день свадьбы и дни рождения всей семьей, именины. И перед каждым праздником Коля просил достать из «сундуков» какой-нибудь дешевый ситчик, и мы вместе с ним шили кучу фартуков — штук десять. А потом приглашали гостей и готовили стол. Особенно здорово было, когда все вместе пельмени лепили... Кто у нас дома только ни бывал: и космонавты, и певцы, и поэты, и хоккеисты, и шахматисты. Коля ведь неистово увлекался шахматами и все время норовил обыграть то Ефима Геллера, то Михаила Таля. А еще он очень любил розыгрыши, шутки, никогда не скучал, все время что-нибудь веселенькое придумывал.

Знаете, когда его не стало, я не смогла жить в нашем доме: каждая вещь, да просто углы напоминали о нем. Поменяла квартиру и абсолютно всю мебель. И снова пыталась найти спасение в работе, хваталась за любое предложение. К счастью, как снег на голову, на меня свалился Слава Шалевич из вахтанговского театра. Он предложил мне войти в спектакль «Деньги, коварство и любовь» по Зоценко. До меня эту роль играла Люся Целиковская, которая была серьезно больна и уже не выступала. А там аж три роли: и танцевать, и петь надо. Но и компания интересная: кроме Шалевича в спектакле работают Марианна Вертинская и Миша Воронцов.

Я очень рада, что так получилось, потому что в кино сейчас предложений мало, а тут замечательная отдушина. Ведь я за свою жизнь никогда подолгу без работы не сидела, потому что и сейчас с удовольствием хожу на актерские тусовки, езжу на фестивали. Надо двигаться, общаться, показывать себя... А вдруг еще какое-нибудь интересное дело подвернется? Жизнь, она-то ведь продолжается!

Интервью вела
Татьяна СЕКРИДОВА